

К 100-летию Бориса Федоровича Поршнева

Олег Вите

«Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК». КНИГА «О НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» И ЕЕ МЕСТО В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Б.Ф. ПОРШНЕВА*

VI. Единственный след?..

Работа над книгой
«О начале челове-
ческой истории»
как третий этап
творчества
Б.Ф. Поршнева

Третий этап открытой работы Б.Ф. Поршнева по своей основной специальности начинается около 1968 года и сводится почти исключительно к подготовке книги «О начале человеческой истории», которая, как он все больше понимает, может оказаться единственным опубликованным следом амбициозного юношеского проекта. Сообщая будущему читателю книги «О начале человеческой истории» о родившемся еще в середине 1920-х годов замысле сочинения «Критика человеческой истории», Б.Ф. Поршнева добавляет: *«Но может статься, мне и не суждено будет завершить весь труд, а настоящая книга останется единственным его следом»* [1].

К этому времени Б.Ф. Поршнева окончательно оставляет попытки сформировать группу единомышленников, создать свою научную школу, совместно разрабатывающую науку о начале человеческой истории; он отдает себе отчет в том, что работать над этой наукой (а значит, и писать книгу) придется одному.

Еще в 1967–1968 годы Б.Ф. Поршнева фактически

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2006. №2. С. 196–215; №3. С. 200–235; №4. С. 191–219; 2007. №1. С. 180–192; №2. С. 204–225; №3. С. 197–223.

«отчитался» о выполнении исследовательской программы, намеченной в «техническом задании» 1956 года. Книга «О начале человеческой истории» подготавливалась в качестве развернутого изложения результатов как этих, так и других исследований, формально в то «техническое задание» не включенных. Б.Ф. Поршнев высоко оценивал результаты своих исследований: «справился с самой трудной сутью» [2]. Но вот что важно: развернутое изложение результатов выполненной исследовательской программы Б.Ф. Поршнев объявляет новой, еще более масштабной исследовательской программой.

Книга как единое
целое из сложных
научных проблем

Б.Ф. Поршнев хорошо понимает научную ответственность, которую он берет на себя, предлагая в одиночку столь масштабный исследовательский проект. Во «Вступлении» к книге он пишет: *«Меньше всего я приму упрек, что излагаемая теория сложна. Все то, что в книгах было написано о происхождении человека, особенно, когда дело доходит до психики, уже тем одним плохо, что недостаточно сложно. Привлекаемый обычно понятийный аппарат до смешного прост. И я приму только обратную критику: если мне покажут, что и моя попытка еще не намечает достаточно сложной исследовательской программы... Эта книга – лишь каркас, остов. Но главы составляют целое. Именно конструкция целого поддерживает и закрепляет главы, иначе мне не хватило бы жизни и на любую одну из них. Каждая глава этой книги должна бы составить тему целой лаборатории, а каждая такая лаборатория – контактировать еще со множеством специалистов. Но кто-то должен, сознавая всю ответственность общего чертежа новой конструкции, все же его предлагать»* [3].

Ожидание быть
понятым через
полвека

В письме к российскому социальному психологу Б.Д. Парыгину, написанном в 1969 году, Б.Ф. Поршнев среди прочего замечает, что рассчитывает на понимание и признание своих научных открытий не ранее, чем лет через пятьдесят*. Впрочем, ощущение неизбежности работы не для современников, а для будущих поколений посещало его еще раньше. На последней странице своей книги о Ж.Мелье Б.Ф. Поршнев подчеркивает значение скрытой от современников работы Ж.Мелье над своим «завещанием» с помощью цитаты, которую,

* Б.Д. Парыгин показывал мне оригинал этого и еще нескольких писем Б.Ф. Поршнева к нему в конце 1970-х годов, но позволил тогда скопировать все письма, кроме упомянутого. В настоящее время, по словам Б.Д. Парыгина, все письма утеряны.

можно не сомневаться, не раз примерял и к себе: «С прекрасным негодованием возражал Дидро своему корреспонденту Фальконе – творцу медного всадника на берегу Невы: “Всех тех, кто отдал свою жизнь на создание посмертных произведений, кто за свои труды рассчитывал лишь на благословение грядущих веков, – этих людей вы называете сумасшедшими, сумасбродами, мечтателями. Самых благородных людей, самых сильных, самых замечательных, менее всего корыстных! Уж не желаете ли вы отнять у этих величавых смертных их единственную награду – радостную мысль, что наступит день, когда их признают?”» [4].

Начало работы
над книгой

Если исходить из хронологии, то впервые Б.Ф. Поршнев объявил о своей работе над книгой, посвященной «решению декартовой задачи», летом 1968 года: «Конечно, я и заметил снежного человека только потому, что новая попытка решить декартову задачу уже была в уме. О ней в целом я пишу книгу...» [5].

Еще через год в письме Б.Д. Парыгину Б.Ф. Поршнев сообщает: «Пишу и заканчиваю одновременно две книги» [6]. В письме книги не названы, но в 1969 году речь могла идти только о двух книгах: «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» и «О начале человеческой истории».

Переосмысление
идей А.А. Ухтомского
о принципе доминанты

С содержательной же точки зрения, важно то, что выдвижение работы по подготовке книги «О начале человеческой истории» на передний план тесно связано с переосмыслением Б.Ф. Поршневым значения исследований А.А. Ухтомского и его принципа доминанты.

Выше уже говорилось об имеющейся тут загадке. Идея тормозной доминанты «сложилась», как пишет Б.Ф. Поршнев, летом 1945 года. Однако впервые А.А. Ухтомский назван по имени без малого через 40 лет, в выступлении на Всесоюзном совещании по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии (май 1962 г., опубликовано в 1963): «Отношение возбуждительного и тормозного процессов вообще остается величайшей проблемой, поставленной отечественной физиологией школы Сеченова, Павлова, Введенского, Ухтомского, но до конца все еще не решенной» [7].

А ведь в мае, когда Б.Ф. Поршнев произносил эти слова, еще не успела высохнуть типографская краска майского же номера журнала «Вопросы философии», опубликовавшего доклад «Состояние пограничных проблем...», в котором список «отечественных физиологов» был короче как раз на одно имя – на имя А.А. Ух-

томского: «Генетические проблемы психологии, логики и лингвистики в начальной, но все же в наиболее перспективной форме поставлены психологами-марксистами Л.С. Выгодским и А. Валлоном. Однако это направление еще далеко не сомкнулось вплотную с направлением Сеченова – Введенского – Павлова в физиологии. Когда они вполне сомкнутся, это будет поистине гигантским научным прорывом» [8].

Теория о тормозной доминанте

Напротив, в упоминавшейся работе «Неадекватные рефлексы у животных и принцип доминанты (краткий конспект статьи)» (написана в 1963 или 1964 году, не опубликована) он уже не только упоминает имя А.А. Ухтомского, но и дает изложение своей теории тормозной доминанты. Наконец, осенью 1967 года Б.Ф. Поршневу излагает теорию тормозной доминанты в докладе в Московском обществе психологов, на основе которого в мае следующего года публикуется большая статья «Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии», основные положения которой еще через четыре месяца излагаются в Токио...

«Физиологи давно ждут...»

Что-то в течение длительного времени Б.Ф. Поршнева удерживало, что-то заставляло проявлять какую-то повышенную осторожность. Разумеется, благодаря многолетним близким отношениям со своей сестрой нейрофизиологом Н.А. Крышовой, он был очень хорошо осведомлен о положении дел в советской физиологии. И судя по всему, именно майское (1962) совещание показало Б.Ф. Поршневу, что оснований для чрезмерной осторожности больше нет. Оценки ситуации в физиологии, прозвучавшие на совещании, помогают понять, к чему присматривался Б.Ф. Поршневу: «Физиологи давно ждут подобного философского совещания. Очень давно. В течение последних десяти лет было много попыток организовать беседу физиологов, психологов и философов. Ожидания эти в особенности оживились за последние два года. Конечно, никто не полагает, что здесь произойдет срочное преодоление ряда противоречий в трактовке и выводах из экспериментов и закончатся горячие споры среди физиологов, между физиологами и психологами... Но уже хорошо то, что в докладах и прениях определяются позиции и дистанции между концепциями» [9].

Что именно «давно ждали» физиологи, догадаться не сложно: с начала 1950-х годов, а точнее, со времени смерти И.В. Сталина, они ждали пересмотра системы «сталинской легитимации» сложившихся в советской

физиологии школ и направлений. Ждал и Б.Ф. Поршнев: именно к началу 1950-х годов относится первая его рукопись с более или менее подробным изложением гипотезы о тормозной доминанте. Ждал тем с большим нетерпением, что представленные в той рукописи взгляды как раз сталинской легитимации вопиющим образом противоречили.

Сталинская легитимность для биологических наук в СССР определялась результатами двух «научно-политических» событий: сессии ВАСХНИЛ* «О положении в биологической науке» (31 июля – 7 августа 1948 г.) и объединенной научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня – 4 июля 1950 г.). Если результаты первого события (запрет генетики) касались поршневских изысканий лишь косвенно, то результаты второго – самым прямым и непосредственным образом: летом 1950 года «учение Павлова» было узаконено в качестве единственной научной основы физиологии в СССР.

Противопоставление А.А. Ухтомского и И.П. Павлова

Выдержки из поршневской рукописи начала 1950-х годов показывают, насколько его взгляды в то время носили ярко выраженный «антипавловский» характер. Б.Ф. Поршнев не только объявляет идею рефлекса устаревшей, но и прямо противопоставляет А.А. Ухтомского И.П. Павлову: *«Неверно, что вся высшая нервная деятельность есть рефлексы, но верно, что она исторически (и эволюционно) развилась из рефлексов»* [10].

«В настоящее время понятие “рефлекс” уже не служит стимулом к развитию нашего объективного знания, как оно еще служило у Сеченова и отчасти у Павлова... Идея рефлекса изжила себя по мере приложения к высшим организмам... На время спасением послужило введение понятия “условный рефлекс”... Идея рефлекса как будто спасена!.. Но это только отсрочка для ее смерти. Она глубоко порочна по самой своей природе» [11].

«... Принцип доминанты (или доминирующего очага возбуждения), установленный Ухтомским» [12] ... *«... лишь по внешности является усовершенствованием теории рефлексов, на самом деле он скорее является ее опровержением»* [13].

Ясно, что обнародовать в 1950-х годах подобные взгляды, да еще после недавних обвинений в собствен-

* Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, основана в 1929 г. В 1990–1992 гг. преобразована в Российскую академию сельскохозяйственных наук (РАСХН).

ный адрес в следовании «ошибочным взглядам» М.Н. Покровского и Н.Я. Марра, было равносильно самоубийству. Б.Ф. Поршнев, действительно, ждал вместе с физиологами «философского совещания», ждал 10 лет...

Критическое отношение к теории рефлексов

Некоторые ссылки в книге «О начале человеческой истории» проливают свет на источник поршневого критического отношения к «теории рефлексов». Анализируя, как советские физиологи и психологи вплотную подошли к открытию тормозной доминанты, так и не сделав решающего шага, Б.Ф. Поршнев пишет о самой ранней такой попытке: *«В 1941 г. один из прежних сотрудников И.П. Павлова, Г.В. Скипин, опубликовал сообщение, которое могло бы стать поворотным пунктом в понимании... роли ультрапарадоксального состояния. Ссылаясь на принцип реципрокной иннервации в центральной нервной системе... Скипин констатирует, что не все действия животного можно объяснить рефлекторной схемой: побуждения приходят не только из внешней среды, но и из внутримозговых провоцирующих воздействий центров и анализаторов друг на друга»* [14].

Б.Ф. Поршнев увидел в работе Г.В. Скипина (и в других подобных работах) скрытую критику «учения Павлова» и решительно ее поддержал: концепция тормозной доминанты объясняет то, что не может объяснить «рефлекторная схема», а значит, преодолевает, «опровергает» последнюю. Надо сказать, что и в докладе-презентации 1956 года Б.Ф. Поршнев ставит в заслугу И.П. Павлову почти исключительно открытие второй сигнальной системы. Но и в этом отношении Б.Ф. Поршнев указывает на непоследовательность И.П. Павлова, на то, что он не до конца осознал весь потенциал этого своего открытия: *«Важно подчеркнуть, что суть этого качественного отличия [психики первобытного человека от психики современного человека. – О.В.] – не в различном сочетании первой и второй сигнальной системы, не в относительном преобладании той или другой, о чем говорил И.П. Павлов, разделяя людей на мыслительный и художественный типы. Суть – в иной роли и иных свойствах самой второй сигнальной системы»* [15].

Отмена монополии «павловского учения» в физиологии

Итак, результаты совещания 1962 года по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии Б.Ф. Поршнев расценил как фактическую отмену монопольного положения «павловского учения» в физиологии, а значит, как «зеленый свет» для своих физиологических представлений, противоречащих «учению Пав-

лова». Но уже первая попытка их обнаружения – «Неадекватные рефлекс у животных и принцип доминанты» (1963 или 1964) – обнаруживает новую проблему. В условиях свободы критиковать И.П. Павлова и выдвигать на первое место А.А. Ухтомского прежняя критическая позиция «теория доминанты опровергает рефлекторную теорию» стала совершенно недостаточна. Появившаяся свобода потребовала более ответственного, более тщательного осмысления того, как соотносятся между собой две крупнейшие советские физиологические школы – школа И.П. Павлова и школа А.А. Ухтомского.

«Неадекватные рефлекс у животных и принцип доминанты»

В работе «Неадекватные рефлекс у животных и принцип доминанты» есть несколько ссылок на А.А. Ухтомского, но ни единого слова о И.П. Павлове, только указание на недостаточность «рефлекторной схемы» для понимания неадекватных рефлексов: *«Неадекватные рефлекс поистине могут быть названы явлением, лежащим на грани психологии и физиологии. Они в условиях свободного поведения животного носят так много уклоняющегося от рефлекторной схемы, такого неожиданного, как будто бы произвольного и субъективного, что представляются не поддающимися физиологической интерпретации»* [16].

Ссылки на работы А.А. Ухтомского

Ссылки на А.А. Ухтомского также говорят о многом. Во-первых, приводимые Б.Ф. Поршневым цитаты из А.А. Ухтомского имеют отношение исключительно к тем аспектам теории доминанты, которые необходимы для обоснования дальнейшего шага – к поршневатой бидоминантной модели [17]. Во-вторых, Б.Ф. Поршневат цитирует две работы А.А. Ухтомского, впервые опубликованные в 1927 году [18], и одну – в 1934 году [19], однако ссылку дает только на последнюю. Можно предположить, что с 6-томным собранием сочинений А.А. Ухтомского, изданным в 1950 – 1962 годах и включившим все три цитированные работы, Б.Ф. Поршневат в это время еще не знаком, а открыто цитировать издания 1920-х не рискует. В пользу его незнакомства с собранием сочинений свидетельствуют и особенности ссылок на А.А. Ухтомского в более поздних работах: в статье-отчете «Антропогенетические аспекты...» Б.Ф. Поршневат ссылается только на опубликованную годом ранее книгу «Доминанта» (1966), в которой собраны основные работы А.А. Ухтомского по данной теме, а в книге «О начале человеческой истории» Б.Ф. Поршневат делает ссылки на собрание сочинений А.А. Ухтомского лишь в тех случаях, когда соответствующие работы не были включены в книгу «Доминанта».

В «Антропогенетических аспектах...» – первом опубликованном изложении гипотезы о тормозной доминанте, И.П. Павлов упоминается почти исключительно в качестве имени научной школы, в рамках которой наблюдались неадекватные рефлексy. Зато в тексте появляется упомянутая прямая ссылка на книгу А.А. Ухтомского «Доминанта» и, напротив, нет ни ссылок, ни цитат, относящихся к публикациям работ последнего 1920-х и 1930-х годов.

Проблема соотношения физиологических школ
И.П. Павлова и
А.А. Ухтомского

Проблемой тщательного и аргументированного соотнесения советских физиологических школ И.П. Павлова и А.А. Ухтомского Б.Ф. Поршнев занимается в самом конце 1960-х годов, а первое и обстоятельное изложение полученных результатов появляется лишь в книге «О начале человеческой истории»: *«Сам А.А. Ухтомский долгое время преувеличивал расхождение своей концепции... с направлением И.П. Павлова... Позже убедился он, что многое в его принципе доминанты гармонически сочетается и рационально размежевывается с павловскими условными рефлексами. Впрочем... в вопросе о торможении осталось глубокое расхождение»* [20].

К «глубоким расхождениям» Б.Ф. Поршнев относит, прежде всего, *«старое, неразрешенное разногласие между школами Павлова и Введенского – Ухтомского, являются ли возбуждение и торможение двумя разными и равными нервными процессами или торможение есть особая форма возбуждения, т.е. субстанция их одна»* [21]. Об этом «неразрешимом разногласии» Б.Ф. Поршнев пишет: *«Для школы И.П. Павлова это действительно всего лишь два полярных явления, но для школы Н.Е. Введенского – А.А. Ухтомского торможение по крайней мере в его высших формах одновременно и полярно возбуждению и есть не что иное, как само возбуждение, только подвергшееся преобразованию, возведенное в особую стойкую, неподвижную форму»* [22].

«Рациональное размежевание» природы раздражений в возбудительном и тормозном процессах

Но наиболее важным для Б.Ф. Поршнева с точки зрения сформулированной им бидоминантной модели, синтезирующей теории И.П. Павлова и А.А. Ухтомского, является все же не «глубокое расхождение», а, напротив, «рациональное размежевание». Ключ к такому размежеванию Б.Ф. Поршнев видит в различной роли «идущих к делу» и «не идущих к делу» раздражений в возбудительном и тормозном процессах: *«Итак, связь раздражений, “не идущих к делу”, “не имеющих непосредственного биологического отношения друг к другу»*

гу”, – это внутренний принцип системы торможения. А связь раздражений, отсеиваемых, подбираемых опытом и отмечаемых как “биологически интересные”, “пригодные”, “нужные”, “идущие к делу”, “имеющие непосредственную связь”, – это принцип системы возбуждения, хотя А.А. Ухтомский и излагает их как два последовательных момента жизни одной и той же доминанты. Это два противоположных способа соединять все идущие в организм из внешней, как и из внутренней, среды сигналы: по их объективной несвязанности между собой или по их объективной связанности между собой, в частности близостью во времени. Учение И.П. Павлова посвящено в сущности второму из этих способов. Понятие доминанты (на первой фазе ее созревания) затрагивает первый из них, однако представляется правильным отнести его в гораздо большей мере к понятию тормозной доминанты» [23].

Соотношение научных вкладов А.А. Ухтомского и И.П. Павлова в развитие физиологии

На первый взгляд, Б.Ф. Поршнев уравнивает значение условного рефлекса и доминанты как предпосылок своей бидоминантной модели: «Высшими достижениями на пути дальнейшей разработки теории рефлекса стали два обобщающих научных понятия – условный рефлекс и доминанта. Их создателями были И.П. Павлов и А.А. Ухтомский» [24]. И все же в качестве создателей этих предпосылок Б.Ф. Поршнев ставит А.А. Ухтомского много выше И.П. Павлова. Павловское учение об условных рефлексах Б.Ф. Поршнев называет «великой научной теорией» [25], тогда как про учение А.А. Ухтомского о доминанте Б.Ф. Поршнев пишет с куда большим пафосом: «прозрение А.А. Ухтомского было столь гениально, что, думается, оно надолго осенит движение вперед на одном из главных направлений физиологической науки» [26].

Опора на идею о бидоминантной модели

В частности, Б.Ф. Поршнев обращает внимание на то, что рефлекторная теория не обеспечивает интегративного понимания работы коры головного мозга, подводя читателя к мысли, что без бидоминантной модели, опирающейся на принцип доминанты, это и невозможно: «При всей интегративности подхода И.П. Павлова и его учеников к рефлекторным функциям коры головного мозга ее работа выглядит мозаично. В каждый данный момент кора мозга – мозаика центров возбужденных и заторможенных. Тем самым поведение организма все-таки в известном смысле огромное множество в какой-то мере отдельных рефлекторных дуг. Как выразился один из учеников И.П. Павлова, перед нами рассыпанные колесики из часового механизма,

мы знаем каждое из них, но мы еще не знаем, как собираются из них часы и как часы идут» [27].

Только в одном отношении Б.Ф. Поршнев ставит И.П. Павлова выше А.А. Ухтомского: «Сеченов, Введенский, Павлов, Ухтомский и их блестящие последователи, признав правоту Декарта в отношении животных... вдохновлялись мечтой распространить тот же строго рефлекторный принцип и на поведение человека. Из них только И.П. Павлов в последние годы жизни убедился в неосуществимости мечты прямым и непосредственным путем, следовательно, в правоте Декарта, когда тот считал деятельность животных машинообразной в противоположность человеческой: для человека И.П. Павлов ввел понятие второй сигнальной системы» [28].

Впрочем, как было уже сказано в предыдущем разделе, в 1967 году Б.Ф. Поршнев покусился было и на павловское «учение о сигнальных системах», предложив (правда, только в рукописи) довести общее число сигнальных систем до трех.

Претензии
Б.Ф. Поршнева
на вклад в развитие
физиологии

В самом конце 1966 года или в начале 1967 года Б.Ф. Поршнев приходит к выводу, что пришло время опубликовать свои открытия в области физиологии. Он пишет заявку на книгу «На новых путях физиологии высшей нервной деятельности и психологии» для философской редакции издательства «Мысль». В ней Б.Ф. Поршнев еще не выдвигает на передний план идею синтеза условно-рефлекторной теории И.П. Павлова и теории доминанты А.А. Ухтомского: «По Павлову, вторая сигнальная система не только подобна первой по условно-рефлекторной своей природе, но и противоположна ей, тормозит ее. Предлагаемая книга пытается подвести обобщающий итог пройденному пути исканий советской физиологической школы в вопросе о соотношении двух сигнальных систем, но и поставить вопрос о путях дальнейшего развития, в том числе о современном состоянии и перспективах учения о рефлексе, о сущности торможения, о доминанте и о так называемых неадекватных рефлексах» [29].

Идея синтеза
учений И.П. Павлова
и А.А. Ухтомского

Во втором варианте той же заявки идея синтеза уже провозглашена открыто: «... главное внимание уделено неадекватным рефлексам (их называют также замечающими, или компенсаторными). Анализ этого явления вскрывает возможности синтеза условно-рефлекторной теории И.П. Павлова с теорией доминанты А.А. Ухтомского» [30].

Надо думать, второй вариант сделан уже во время работы над упоминавшимся докладом в Московском

обществе психологов осенью 1967 года. Этот вариант заявки значительно более конкретен, в ней указан и намеченный объем книги (18 авторских листов), и срок предоставления рукописи в издательство (начало 1968 года). Есть в заявке и ссылки на свои опубликованные работы 1963–1966 годов. Однако в этом варианте заявки (как и в первом) нет структуры книги, есть лишь приблизительное «описание глав»*. Сохранившийся, но не включенный в заявку набросок плана книги** демонстрирует, что ее замысел существенно шире заявленного в названии. Сравнение этого плана с описанием глав из второго варианта заявки приводит к выводу, что Б.Ф. Поршнев в заявке определенно попытался сузить предмет книги против первоначального наброска плана. Никаких рукописей задуманной книги не сохранилось, нет даже признаков того, что таковые существовали. А летом 1968 года вместо обещанного предоставления в издательство готовой рукописи Б.Ф. Поршнев заявляет: «Пишу книгу». Через год он вновь сообщает о том, что «пишет» (а вовсе не «заканчивает») книгу...

Изменение творческих планов: от физиологии к антропогенезу

Напрашивается следующее, наиболее вероятное, объяснение этой странности: замысел книги о новых путях физиологии высшей нервной деятельности, с одной стороны, был реализован в статье-отчете «Антропогенетические аспекты...», а с другой – стремительно перерос в замысел другой, более широкой по своему предмету книги – книги «О начале человеческой истории», средней части сочинения «Критика человеческой истории». Скорее всего, Б.Ф. Поршнев даже не направлял написанную заявку в издательство «Мысль»: планы радикально поменялись, теперь заявка в издательство «Мысль» должна быть уже на другую книгу, а срок предоставления рукописи – перенесен на более поздний. Для столь радикального изменения планов была важная причина. Именно в 1967–1968 годах Б.Ф. Поршнев окончательно определяется с последовательностью двух инверсий: первая – переход от интердикции к суггестии, вторая – от суггестии к контрсуггестии; тем самым, определяются и критерии выделения третьей час-

* Это «описание глав» по характеру изложения очень похоже на описание глав предполагаемой работы о генетической логике, содержащееся в опубликованной статье «Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии», о которой шла речь выше.

** Этот набросок плана написан, вероятно, еще до первого варианта заявки на книгу.

План книги
о новых путях
физиологии

ти «Критики человеческой истории» в самостоятельную книгу, а значит, предмет средней части приобретает отчетливые границы.

Исходя из сказанного, следует считать набросок плана книги о новых путях физиологии одновременно и первым наброском плана книги «О начале человеческой истории». Вот этот план, написанный около 1967 года:

«План книги:

I. К учению о рефлексе

1. Неадекватные рефлексы

2. Физиология имитационного акта

II. Генезис второй сигнальной системы

1. Гипотеза о сигнальном сверх-тормозе и о древних его дифференцировках. Сюда же: гипотеза об эколого-популяционных особенностях древнейших гоминид

2. Эхололия

3. Мы и они (дивергенция гоминид). Интердиктивная функция речи

4. Дипластия (генетическая логика)

5. Образы, представления, иллюзии, галлюцинации

III. Коллективная психология (общности) и интериоризация» [31].

Изменение облика
поршневой
концепции начала
человеческой
истории

Обзор многолетней работы Б.Ф. Поршнева над своей теорией бидоминантной модели высшей нервной деятельности подводит и к более общему вопросу: как менялся облик поршневой концепции начала человеческой истории под влиянием его теоретических и экспериментальных исследований, какова внутренняя логика этих изменений?

Во-первых, бросаются в глаза «количественные» изменения: уточняется терминология; постепенно становится более богатым содержание используемых понятий, включающих в себя все больше различных аспектов и нюансов; обогащается и усложняется связь различных элементов концепции между собой, концепция становится более организованной и разветвленной; уточняется, расширяется, обновляется аргументация. Во-вторых, в развитии концепции можно выделить две качественно различающиеся ступени.

На первой ступени теоретическая концепция выглядит почти не связанной с породившими ее науками. Концепция как бы «решительно отталкивается» от прочитанной литературы, а потому выглядит «придуманной»; в ней слабо различимы фактические (скрытые) заимствования, почти невозможно выделить собствен-

но «поршневецкое»: не ясно, что конкретно взято из прочитанного, что именно было прочитано, как эти заимствования преобразованы, что добавлено от себя и т.п.

На второй ступени развития концепции происходит возвращение «отпочковавшейся» концепции к своим истокам, восстанавливается в явном виде связь с породившими ее науками: уточняются границы «внешних заимствований»; привлекается множество новых, дополнительных исследований и исследователей («имен»), которые хоть чуть-чуть добавляют понимания, хотя бы и в одном каком-нибудь аспекте; концепция обратно вплетается в систему существующих научных школ с уточнением их отношений друг с другом и с самой концепцией, она становится более органичной, менее «придуманной».

Наиболее продвинутой с точки зрения этой второй ступени является глава «Тормозная доминанта», четвертая глава книги «О начале человеческой истории», посвященная главному открытию Б.Ф. Поршнева в физиологии – бидоминантной модели высшей нервной деятельности. И дело тут не только в том, что в этой главе «резюмированы» результаты исследований, продолжавшихся четверть века. Глава «Тормозная доминанта» как раз на этапе «резюмирования», то есть подготовки книги «О начале человеческой истории» к публикации, была подвергнута более глубокой и всесторонней переработке, чем какие-либо другие главы книги, а потому может считаться наиболее зрелой в научном отношении ее частью.

По контрасту, наименее разработанной частью книги следует признать девятую главу – «Дивергенция троглодитид и гоминид», особенно ее исключительно важный первый раздел: «Характер отбора, лежавшего в основе дивергенции». «Отставание» главы 9 по уровню разработанности бросается в глаза и требует пояснения.

Первый раздел главы 9 начинается с указания на два принципиальных отличия животного «человек» от всех прочих животных, «которые даны опытом истории и не могли бы быть “в другом смысле” распространены на животных»: *«Во-первых, люди – единственный вид, внутри которого систематически практикуется взаимное умерщвление... Все формы эксплуатации, известные в истории, были ступенями смягчения рабства, а рабство возникло как смягчение (первоначально – отсрочка) умерщвления пленника... Точно так же всевозможные виды жертвоприношений, подношений, даров, отдарков и обменов, видимо, восходят к древней-*

Детальная проработка идеи о бидоминантной модели высшей нервной деятельности

Слабая разработка идеи о дивергенции гоминид

шему корню – человеческим жертвам и являлись сначала их заменами, смягчениями и суррогатами...

Во-вторых, ...люди – единственный вид способный к абсурду, а логика и синтаксис, практическое и теоретическое мышление – его “дезабсурдизация”... Организм животного ведет себя в любой искусственной ситуации с физиологической точки зрения совершенно правильно, либо дает картину нервного срыва (неадекватные рефлексы), сконструировать же абсурд, или дипластию, его нервная система неспособна» [32].

Первому отличию посвящена глава 10 («Генезис речи-мышления: суггестия и дипластия»), и, как было показано выше, ее проблематика затронута уже в докладе-презентации 1956 года, а затем тщательно разрабатывалась в 1960-е годы.

Идея о «кормимых» и «кормящих»

Другое дело – второе отличие. Можно предположить, что Б.Ф. Поршнев под влиянием этнографической литературы достаточно давно пришел к самой идее об особом характере отбора, лежащего в основе дивергенции, о расщеплении в ходе последней единого вида палеоантропов на «кормимых» (собственно палеоантропы) и кормящих (неоантропы) как исходном пункте дальнейших культурных трансформаций. Во всяком случае, уже в статье «Проблема возникновения...» (1958), анализируя основные группы первобытных запретов, он выделяет особую группу – «запреты убивать себе подобного»: *«В обширном и эволюционно древнем отряде приматов только одно ответвление в лице гоминид в четвертичном периоде стало специализироваться на мясной пище, у этих гоминид не могло быть таких глубоких древних инстинктов, препятствующих взаимному истреблению и пожиранию, какие есть по отношению к себе подобным у других плотоядных хищников-убийц. Отсутствие этих эволюционно глубоких инстинктов должно было возмещаться запретами»* [33].

Обращение к вопросу о жертвоприношениях

Как проявления подобных запретов, ссылаясь на работы Д.К. Зеленина и Д. Фрезера, Б.Ф. Поршнев анализирует сохранившиеся палеолитические погребения. Однако о самой дивергенции, «расщепившей» единый вид на кормимых и кормящих, в статье нет ни слова. В цитированном выше отрывке из неопубликованной брошюры «От высших животных...» бегло отмечена близость отбора, лежащего в основе дивергенции, к искусственному. В статье «Поиски обобщений...» (1965) Б.Ф. Поршнев обращается к другой линии культурной трансформации исходных отношений дивергенции – к жертвоприношениям: *«Даже там, где утрачен образ*

получеловека, которого надо кормить, чтобы добыть дичь, самый обряд принесения жертвы сохраняется, деформируется, переосмысливается. Иногда жертвоприношение смягчается до символического обряда: идолу или фетишу мажут губы кровью, окуривают его дымом сжигаемого мяса или сала, а то даже заменяют кровь красной краской или еще чем-либо» [34].

Рассуждение о странном свойстве людей уничтожать друг друга

Но о собственно дивергенции и в этой статье нет ни слова. Наконец, в статье «Мыслима ли история одной страны?» (1969), на первый взгляд, вообще не имеющей отношения к проблеме происхождения человека, Б.Ф. Поршнев обращает внимание на странное свойство человека – «уничтожать друг друга». Подводя исторический фундамент под еще один свой синтез – синтез теорий В.И. Ленина и М. Вебера о государстве,* – Б.Ф. Поршнев пишет: «Глубоко скрытым существом аппарата государственной власти всегда, во всех классовых антагонистических обществах, была монополия на обуздание, подавление, включая в первую очередь монополию на умерщвление людей. Монополия – это значит: запрещение убивать людей всем, кто не уполномочен на это государством. Закон сурово карает преступника-убийцу и суровее всего за преднамеренное убийство, т.е. за то, что он поднял руку на самую монополию государства убивать. С монополией на умерщвление связана и монополия на заточение (плен, тюрьма), а также на захват имущества (налоги, конфискация, добыча). Сплошь и рядом государство этим и ограничивается. Но корень – монополия на умерщвление, хотя бы умерщвление длительное время и оставалось всего лишь угрозой... Как и почему возникло само “свойство” людей уничтожать друг друга – проблема антропологов. Историческая наука начинает исследование этой проблемы с того времени, когда зарождался чье-то отстраняющее остальных “право” на умерщвление и происходит его монополизация государственной властью» [36].

Тут Б.Ф. Поршнев явно намекает, что разгадка этой «проблемы антропологов» ему известна, но ничего об этой своей разгадке не сообщает.

Пилотажное представление теории дивергенции палеоантропов и неоантропов

Приведенные отрывки не позволяют свести объяснение «отставания» (по уровню разработанности) проблематики главы 9 от проблематики главы 4 к более позднему времени возникновения исходных представлений о дивергенции, чем представлений о тормозной

* Подробнее об этом синтезе см.: [35].

доминанте. Решающее отличие в другом: теория бидоминантной модели высшей нервной деятельности прежде чем появиться в книге «О начале человеческой истории» прошла длинную цепь докладов, публикаций, обсуждений, критики специалистов и ее усвоения, то есть прошла вторую ступень своего концептуального развития; напротив, теория дивергенции палеоантропов и неантропов впервые была изложена только в книге. Не было ни предшествовавших докладов, ни публикаций, ни критических замечаний специалистов.

Скорее всего, не было даже попыток письменного изложения темы «для себя»: судя по ссылкам в главе 9, Б.Ф. Поршневу приступил к изучению специальных исследований по видообразованию не ранее конца 1960-х годов. Есть еще один важный признак того, что он впервые взялся за изложение темы дивергенции лишь при подготовке книги «О начале человеческой теории». В рукописи девятой главы, написанной, вероятно, в 1969 году, Б.Ф. Поршневу не раз прерывает изложение, позволяя себе рефлексивные рассуждения о проблемах своей работы над темой. Такие «отвлечения» особенно характерны именно для первых опытов изложения какой-либо темы любым автором.

Проблема эмпирических подтверждений проблемы дивергенции

В чем же причина того, что Б.Ф. Поршневу отложил работу над проблематикой дивергенции на последний момент? Наиболее вероятным представляется следующее объяснение. В главе 9 Б.Ф. Поршневу подчеркивает принципиальную сложность естественнонаучного исследования специфического отбора, стремительно отодвигавшего друг от друга палеоантропов и неантропов «на таксономическую дистанцию подвидов, видов, родов, семейств, наконец, на дистанцию двух различных форм движения материи – биологической и социальной» [37]: *«Этот процесс невозможно эмпирически описать, так как ископаемые данные бедны, его можно реконструировать только ретроспективным анализом более поздних явлений культуры – раскручивая их вспять, восходя к утраченным начальным звеньям»* [38].

Следовательно, надежность «ретроспективных реконструкций» может быть обеспечена лишь надежными исследованиями, с одной стороны, биологических предпосылок дивергенции (бидоминантная модель, интердикция), а с другой – исследованиями ее культурных последствий (социальная психология, быть может, даже политическая экономия первобытного общества и т.п.). Что же касается собственно «ретроспективной

Проблема
разработки
методологии
исследований
по антропогенезу

реконструкции», то, как, очевидно, полагал Б.Ф. Поршневу, на подготовленной его исследованиями почве эту задачу не хуже него смогут осуществить и другие исследователи. Вот один из самых ярких примеров упомянутых «рефлексивных рассуждений», оно прерывает изложение темы отбора: *«Весь этот раздел надо подать даже не как гипотезу, – как манеру думать. Наверное, все это не так, сложнее, еще непредвиденнее, но вот – плоскость, в которой надо искать и проблемы и решения. Задача – лишь показать, что это мыслимо»* [39].

Вторая ступень работы Б.Ф. Поршнева над своей концепцией началась в первой половине 1960-х годов, но большая ее часть пришлось именно на их вторую половину, на период, когда задача подготовки книги «О начале человеческой истории» вышла на передний план. В это время лишь четыре публикации как будто не соответствуют названной первоочередной задаче. В 1969 году публикуется доклад Б.Ф. Поршнева на семинаре по философским вопросам общественности в Институте философии АН СССР – «О начале человеческой истории». Доклад посвящен исключительно методологическим проблемам антропогенеза: *«Задача настоящей статьи – не описание или исследование начала человеческой истории, а попытка “очищения рассудка”, как выражались некогда философы, т.е. рассмотрение методологии и философии этой проблемы»* [40].

Б.Ф. Поршневу специально подчеркивает важность такого «очищения рассудка»: *«Непосредственный прогресс науки не достигается с помощью методологических раздумий. Но без них исследователь может оказаться дальновзорким или близоруким и не сумеет согласовать свои движения с действительными расстояниями. Не только дилетантам, но и специалистам проблема начала человеческой истории кажется лежащей почти под носом. Но протянутая рука хватается пустоту»* [41].

Особенностью опубликованного доклада является его очевидная принадлежность к критической (деструктивной) части работ Б.Ф. Поршнева: ему уже нечего терять, полноценных единомышленников все равно нет и не будет, а потомкам надо оставить строго аутентичную позицию. С другой стороны, сравнение с методологическими и деструктивными текстами (а также с соответствующими частями текстов) 1950-х годов обнаруживает важное отличие: содержательно аргументация почти тождественна, но от «воинствующей» по-

лемической стилистики того времени не осталось и следа.

В сокращенном виде и под другим названием текст доклада вошел в книгу «О начале человеческой истории» в качестве второго раздела первой главы; название же доклада послужило названием всей книги.

«Контрсуггестия
и история»

В 1971 году выходит статья Б.Ф. Поршнева «Контрсуггестия и история», о значении которой уже сказано в предыдущем разделе. Однако и в контексте работы над книгой «О начале человеческой истории» названная статья занимала очень важное место, о чем ниже будет сказано.

Две оставшиеся публикации этого периода не вошли в книгу даже в сокращенном виде, но безусловно предназначены будущим поколениям исследователей, а не современникам: «Троглодитиды и гоминиды в систематике и эволюции высших приматов» (1969) и «Вторая сигнальная система как диагностический рубеж между троглодитидами и гоминидами» (1971).

Публикация идей
о начале человеческой истории в официальном издании Академии наук

У этих работ есть своя интересная особенность: обе они опубликованы в «Докладах АН СССР», обе представлены по специальности «зоология» академиком Евгением Михайловичем Крепсом (1899–1985). Специалист в области эволюционной физиологии, академик-секретарь Отделения физиологии АН СССР (с 1967 г.) Е.М. Крепс оказался тем «отщепенцем» среди крупных советских ученых-биологов, для которого критерием целесообразности публикации поршневских работ был не диплом о получении автором соответствующего образования и не отношение большинства биологов к проблеме реликтового палеоантропа, а исключительно содержание предложенных работ. Благодаря такой поддержке Б.Ф. Поршнева получил очень важный «институциональный плацдарм» для будущего: публикация в официальном издании АН СССР фиксирует научный приоритет Б.Ф. Поршнева в части открытий последнего в области науки о начале человеческой истории.

Из материалов работы над книгой сохранились – частично или полностью – рукописи почти всех ее глав. Все они написаны в период 1968–1970 годы. Эти рукописи показывают, что работа над текстом глав вынуждала Б.Ф. Поршнева постоянно изменять и структуру всей книги в целом, порой – радикально. Сохранился написанный, вероятно, в 1969 году промежуточный план книги, название которой на тот момент – «О начале человеческой истории (споры, исследования, гипотезы)»; книга делится на части, главы и разделы (параграфы):

Промежуточный вариант плана книги «О начале человеческой истории»

«Часть I. Закон ускорения мировой истории и понятие ее начала.

Глава 1. Закономерная смена общественно-экономических формаций и ускорение их смены. Движущая роль противоречий и антагонизмов.

Глава 2. Передовые и отсталые страны.

Глава 3. Экстраполяция закона ускорения в будущее и в прошлое. Теоретическое значение понятия «начало истории».

Часть II. Судьба теорий Дарвина и Энгельса о происхождении человека.

Глава 1. О недостающем звене в приматологии.

Глава 2. Споры о “скачках” в антропогенезе. Материализм и идеализм в проблеме становления человеческого общества.

Часть III. Две главные экологические проблемы антропогенеза.

Глава 1. Плотоядение. Охота или трупоядение. (несколько параграфов).

Глава 2. Огонь. Добывание или борьба с произвольным возгоранием.

Часть IV. Антропогенез и вторая сигнальная система.

Глава 1. Различие сигнала и знака (символа). Физиология и патология знака.

Глава 2. Рефлекс, торможение и доминанта. Тормозная доминанта и неадекватные рефлекссы.

Глава 3. Запретительные сигналы. Интердиктивная ступень второй сигнальной системы.

Глава 4. Подражательная (имитационная) ступень второй сигнальной системы.

Глава 5. Дипластия (бинарные сочетания). Генетическая логика.

Глава 6. Генезис второй сигнальной системы и социальная психология. Суггестивная ступень второй сигнальной системы.

Часть V. Социологический аспект антропогенеза и его соотношение с биологическим.

Глава 1. Пограничная область биологических и общественно-исторических наук.

Глава 2. Понятия “общество” и “культура”. Проблема единственного и множественного числа.

Глава 3. Дивергенция палеоантропов и неоантропов. Генезис и развитие социально-психологического отношения “мы и они”» [42].*

* В машинописной версии плана от руки сделано исправление: в качестве первой главы Части I добавлена дополнительная глава «Генетическая и агенетическая наука».

Изменение структуры книги в процессе работы над ней

Приведенный план демонстрирует стремление Б.Ф. Поршнева максимально использовать уже написанное: в названиях многих глав легко узнать названия опубликованных ранее статей. Заметна и преемственность по отношению к наброску плана книги «На новых путях физиологии высшей нервной деятельности и психологии». Вероятно, именно этот план был приложен к проспекту новой книги, направленному в издательство «Мысль».

Сравнение с окончательным планом книги показывает, что структуре еще предстоит существенно измениться. В частности, многие «части» станут «главами», а главы – разделами глав. Некоторые главы, например, глава 1 Части II, обе главы части III приведенного плана так и остаются главами. Но и деление на «части», судя по сохранившимся рукописям, Поршневым еще некоторое время пытается сохранить. Так, главы 3–5 будут объединены в Часть II «Предыстория речи» [43]; главы 6 и 7 – в Часть III «Троглодитиды и среда» [44]; наконец, главы 9 и 10 – в Часть IV «Становление людей» [45]. Однако для Части I, объединяющей главы 1 и 2 (в приведенном плане – это еще части I и II), название не сохранилось; впрочем, возможно, к тому моменту Поршневым уже отказался от деления книги на части. Выпадает из деления на части и глава 8 «Споры о фундаментальных понятиях» – наследница главы 2 Части II по плану 1969 года.

Проблема поиска рецензента на мультидисциплинарную книгу Б.Ф. Поршнева

Вероятно, уже в начале 1970 года Б.Ф. Поршневым заключает с издательством «Мысль» договор, в соответствии с которым автор обязуется представить в издательство рукопись объемом 27 авторских листов, что, между прочим, на 9 листов больше, чем намечалось для книги «На новых путях...». Однако в конце 1970 года Б.Ф. Поршневым приносит в издательство рукопись значительно большего объема – 35 листов. Редактирование рукописи поручается Людмиле Николаевне Дороговой*. По ее воспоминаниям, неожиданные трудности возникли с получением необходимых издательству внешних отзывов на книгу: каждый, кто готов был дать положительный отзыв, делал характерную оговорку: я компетентен только в границах такой-то специальности, такой-то главы книги Б.Ф. Поршнева, о книге в целом, к сожалению, написать отзыв не могу. Тут можно вспомнить, что аналогичная «трудность», а именно, ло-

* Фактическая сторона отношений Поршнева с издательством «Мысль» в 1969–1972 гг. изложена по воспоминаниям Дороговой (устное сообщение автору настоящего очерка в феврале 2005 г.).

Вынужденное
сокращение
рукописи

мающий все сложившиеся в науке традиции междисциплинарный и даже мультидисциплинарный подход Б.Ф. Поршнева к проблемам начала человеческой истории, препятствовал и формированию общности поршневских единомышленников...

В 1971 году уже отредактированная рукопись передается в планово-финансовый отдел для составления и утверждения сметы. Тут-то и обнаруживаются роковые последствия поршневского просчета: издательство не вправе утвердить смету на книгу, объем которой столь вопиющим образом превышает величину, указанную в договоре. Б.Ф. Поршневу вынужден пойти на сокращение. Он полностью убирает главу седьмую «Появление огня» (почти повторяющую статью 1955 года «О древнейшем способе получения огня»), почти полностью – главу шестую «Плотоядение» (часть которой повторяет неопубликованный доклад 1956 года), половину главы девятой «Дивергенция троглодитид и гоминид» (никогда прежде не публиковавшаяся рукопись). Разделы упраздненных глав, которые Б.Ф. Поршневу считает необходимым сохранить, он объединяет в новую главу – «У порога неантропов».

В таком урезанном виде в мае 1972 года книга сдается в набор; в июне Б.Ф. Поршневу уже получает корректуру и делает последнюю правку. Остается подписать книгу в печать...

«О начале
человеческой
истории» как
рассмотрение двух
из трех инверсий

Итак, книга «О начале человеческой истории» готова и вскоре должна оказаться в руках читателей. Но останется ли эта книга «единственным следом» задуманной в 1920-е годы трилогии – «Критики человеческой истории»?

Даже если не брать в расчет сохранившихся рукописей, относящихся к первой части трилогии, надо сказать, что целый ряд планов, рукописей, подготовленных к публикации, и даже, в качестве исключения, опубликованных, имеют самое прямое отношение к третьей части «Критики человеческой истории». Как уже было сказано, выделение «восходящего просмотра развития человечества» в предмет отдельной – третьей – книги связано с окончательной формулировкой последовательности двух инверсий. Первой инверсии, превращению интердикции в суггестию (как и предпосылкам этой инверсии – возникновению интердикции) посвящена книга «О начале человеческой истории»: «...ее заявка философская и естественнонаучная состоит в установлении первой инверсии» [46]. Вторая инверсия – превращение суггестии в контрсуггестию.

Но ведь и этой инверсии также посвящена опубликованная работа! Вот как определяет Б.Ф. Поршнева предмет статьи «Контрсуггестия и история»: *«В задачу настоящей статьи не входит анализ того, как именно у наших ископаемых предков возникло это специфическое торможение [интердикция. – О.В.] и как оно развилось до уровня суггестии. Ведь всю проблему можно разделить на две: первая половина – складывание в антропогенезе этого отличительного свойства человеческой психики, этой исходной клеточки социально-психических отношений, вторая половина – осложнения этого явления в ходе человеческой истории в связи с появлением и развитием контрсуггестии. Только вторая половина относится к теме данной статьи»* [47].

Основа восходящего
просмотра развития
человечества

Названная «вторая половина» и есть вторая инверсия. Таким образом, необходимо констатировать: статья «Контрсуггестия и история» является важнейшим «следом» трилогии вообще и единственным опубликованным следом ее третьей (заключительной) части – «восходящего просмотра развития человечества». В статье Б.Ф. Поршнева намечены важнейшие аспекты анализа второй инверсии – превращения суггестии в контрсуггестию.

Во-первых, выдвижение контрсуггестии на передний план не приводит и не может привести к исчезновению суггестии, но оставляет для неумолимого действия последней узкий коридор – логика, научное доказательство: «истина обязательна, принудительна», она «неумолима» [48]. Во-вторых, в этом процессе осуществляется и само становление человечества как реальной общности в субъективном, а не только в объективном смысле: «научное мышление глубочайшим образом, нерасторжимо сочетается с идеей человечества. Доказательство адресуется не кому-либо, а человеку вообще» [49]. Наконец, в-третьих, на передний план выходит и специфическая «диахроническая» оппозиция «мы – они» в своем качестве всеобщей формы движущих сил истории, в которой «мы» – все человечество: *«В наши дни человечество – это уже не собирательная идея, а крепнущая в сложной борьбе реальность. Возникает социально-психологическая загадка: если всякая общность, всякое “мы” сознает себя и конституируется через сопоставление с каким-то “они”, то кто же “они” по отношению к этой рождающейся сверхобщности – человечеству? ...Только древнейшая стадия его собственного прошлого. Вместе с тем – и следы отдаленнейшего прошлого в настоящем. Если же перевести*

это на язык социальной психологии, то “они”, “чуждое” для научного мышления поднимающегося человечества – это как раз все явления суггестии – порождения предыстории, – кроме единственного, которому история оставила место, т.е. кроме убеждения, доказательства, науки» [50].

Работа над книгой
«Докапиталистические способы
производства»

Вторым важнейшим «следом» заключительной части трилогии – не опубликованным, хотя и подготовленным к печати – является книга «Докапиталистические способы производства», о которой много говорилось во втором разделе настоящего очерка. Ее подготовка тесно связана и с подготовкой книги «О начале человеческой истории», и с размежеванием предмета двух этих книг. Сохранились три плана книги «Докапиталистические способы производства», написанные в разное время. В основном они совпадают, за исключением одного пункта – «Часть I. Закон ускорения мировой истории», который присутствует только в самом раннем плане. Эта «часть», написанная, в основном, в 1964–1966 годы, была использована по-другому: в переработанном и значительно сокращенном виде она вошла в книгу «О начале...» в качестве первого раздела первой главы (в плане 1969 года она фигурировала именно как «Часть I», то есть предполагалось включить ее в книгу в полном объеме).

Проблема
ускорения
мировой истории

Перемещение темы ускорения истории в другую книгу объяснимо. С одной стороны, проблематика ускорения мировой истории получала наиболее яркие иллюстрации как раз из тех эпох, которые остались за рамками книги «Докапиталистические способы производства»; с другой – эта проблематика становится уместной в книге «О начале человеческой истории», в случае если последняя остается «единственным следом» трилогии: «Чтобы она [книга «О начале человеческой истории». – О.В.] носила характер независимого целого, ее открывает глава, по-другому мотивирующая широкую теоретическую значимость темы» [51].

В эту «открывающую» главу и вошли в сокращенном виде, во-первых, рукопись «Закон ускорения мировой истории», а во-вторых, как было сказано выше – доклад «О начале человеческой истории».

В 1972 году, параллельно с подготовкой книги «О начале человеческой истории», Б.Ф. Поршнев готовит к публикации и книгу «Докапиталистические способы производства». В июле Б.Ф. Поршнев направляет в издательство «Мысль» заявку на эту книгу, поддержанную Академией общественных наук при ЦК КПСС.

В августе издательство ответило отказом по основаниям, не лишенным смысла: *«К сожалению, в настоящее время это не представляется возможным. Предстоящий выход в издательстве Вашей книги “О начале человеческой истории” затрудняет публикацию предлагаемой Вами рукописи. В связи с этим мы можем вернуться к вопросу о издании книги “Докапиталистические способы производства” лишь после истечения срока действия издательского договора на упомянутую выше книгу»* [52].

Важность комплексной науки и о человеке, и о людях

Наконец, существует и третий важный «след» заключительной части трилогии, относящийся к 1971–1972 годам. Во «Вступлении» к книге «О начале человеческой истории» Б.Ф. Поршнев подчеркивает исключительную важность и тщательной разработки «общей схемы» своего понимания начала человеческой истории, способной связать, согласовать результаты исследований в отдельных науках: *«Иначе частные дисциплины при отставании общей схемы подобны разбежавшимся колесикам механизма, по инерции катящимся кто куда. Пришло время заново смонтировать их, в перспективе – синтезировать комплексную науку о человеке, о людях»* [53].

Упоминание «комплексной науки о человеке, о людях» – вовсе не метафора, а отражение нового замысла, уже намеченного в «проспекте книги» объемом 12 авторских листов: «Люди (Проблема человека на современном этапе науки. Люди как предмет познания)». Вероятно, заявка на книгу только готовилась и еще никуда не была направлена. Кроме собственно «проспекта», включающего перечень глав с кратким изложением содержания каждой, и самых предварительных набросков, написанных в 1972 году, никаких рукописных материалов к этой книге нет и, скорее всего, не было. Имеющийся проспект книги позволяет отнести этот замысел именно к заключительной части трилогии. Вот только перечень глав задуманной книги «Люди»:

Идея о книге «Люди»

«Гл. I. Комплекс современных наук о людях.

Гл. II. Философия кибернетизма и философия экзистенциализма – две крайние позиции.

Гл. III. История науки как преодоление антропоморфизма и антропоцентризма.

Гл. IV. Вид, индивид, личность, общество, человечество.

Гл. V. Как мозг сформирован из миллиардов клеток, так сознание – из миллиардов мозгов.

Гл. VI. Речевые знаки.

Гл. VII. Что такое психика?

Гл. VIII. Общности людей – объективные и субъективные.

Гл. IX. Биологическая наследственность и социально-историческая изменчивость.

Гл. X. Человечество и человек.

Гл. XI. История и человек.

Гл. XII. Будущее людей» [54].

Наброски плана
собрания сочинений

Заслуживает упоминания еще один несостоявшийся замысел Б.Ф. Поршнева, относящийся к периоду непосредственной работы над книгой «О начале человеческой истории». В 1971 году (или в начале 1972 года) Б.Ф. Поршневу, видимо, получил какие-то намеки на возможность издания собрания своих сочинений. Именно к этому времени относится сохранившийся набросок плана такого издания. Впрочем, нельзя исключить, что мысль о собрании сочинений – случайная ассоциация, возникшая у Б.Ф. Поршнева, например, под влиянием открывшейся было перспективы избрания членом-корреспондентом АН СССР. Подтверждением последнего предположения может служить тот факт, что набросок плана собрания сочинений сделан на случайно попавшей под руку карточке (ярлык Таллиннской бумажной фабрики, вложенный в общую тетрадь). Но сам план издания представляет большой интерес:

«7 тт. по 35 – 50 п[ечатных] л[истов].

I. Нар[одные] восст[ания] перед Фрондой (45 [печатных листов]) [55].

II. Тридцатил[етняя] война (две части) (70 [печатных листов])*

III. Ист[орические] работы [–] XVI – XVIII вв.

1) нар[одные] восст[ания] во Фр[анции];

2) Мелье [57];

3) Кальвин [58];

4) Дешан [59] и др.

+ рецензии и предисловия.

IV. Феодализм [60] и др. работы по теории марксизма, напр[имер], «Хронол[огические] выписки» [61], Гегель [62] и др.

V. Реликтовые гоминоиды [63], троглодиты [64], статьи.

* Имеются в виду две – первая и третья – части запланированной трилогии, одна из которых была уже опубликована (третья), а вторая – фактически готова (первая): [56]. Далее по плану приведены ссылки на работы Б.Ф. Поршнева, которые он кратко обозначал в плане издания.

VI. Соц[иальная] психология [65], статьи по психол[огии] и антропологии.

+ «О начале чел[овеческой] истории» [66].

Юношеский
замысел
осуществлен –
выстраивание
новых планов

Итак, конец лета 1972 года – книгу «О начале человеческой истории» через месяц-другой будут читать тысячи людей. Юношеский замысел 1920-х годов осуществлен, во всяком случае, в самой главной и самой трудной его части. Пора расширить спектр своей исследовательской работы, вернуться к прежним, нереализованным, отложенным планам.

Еще весной он готовит доклад «Происхождение человека и проблема речи» [67] для XI Международного конгресса философов в Болгарии (Варна), который состоялся в следующем (1973) году. Летом Б.Ф. Поршнев получает из Института философии АН СССР, от имени оргкомитета по подготовке конгресса, отзыв на свой доклад, подписанный (и, вероятно, написанный) М.К. Мамардашвили: оргкомитет рекомендует доклад по секции «Лингвистика и антропология». Любопытно, что в качестве аргумента в пользу того, что поршневы доклад заслуживает быть представленным на конгрессе, М.К. Мамардашвили с искренней наивностью указывает на отказ Б.Ф. Поршнева следовать точке зрения Ф. Энгельса: *«Автор доклада предпринимает попытку дать определение человека не через труд – что является установившейся точкой зрения современной науки, – а через речь»* [68].

Доклад «Происхождение человека и проблема речи» не был ни представлен на конгрессе в Варне, ни опубликован. Напротив, тезисы «Противопоставление как компонент этнического самосознания», предназначенные для другого международного форума – IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук, который состоялся также в следующем (1973) году, в Чикаго, были опубликованы (1973), представлены на конгрессе и переведены на английский язык (1978).

Старые замыслы
и новые задумки

Б.Ф. Поршнев понимает, что выход в свет книги «О начале человеческой истории» укрепит его позиции в научном сообществе и одновременно высвободит время, а значит – позволит завершить многие начатые проекты. А ведь одних только новых книг, уже намеченных к публикации и существующих как минимум в виде «проспекта», было к лету 1972 году пять!

Через некоторое время отпадут формальные препятствия для нового договора с издательством «Мысль» – на книгу «Докапиталистические способы производства». Появятся реальные шансы и на издание второй

книги в серии «Жизнь замечательных людей» – теперь об Иисусе Христе; в новых условиях «Молодая гвардия», может, решится (чем черт не шутит, пока бог спит!) на такой смелый шаг. Еще три книги – для издательства «Наука»: почти готова первая часть трилогии о Тридцатилетней войне; на подходе ее средняя часть; «Социальная психология» требует серьезной переработки (разрешение на ее переиздание в увеличенном объеме уже три года как получено!). Существует и новый, только что родившийся замысел – книга «Люди»...

Задержка с изданием книги как символ поражения и разгрома

Но этим проектам не суждено было осуществиться: в конце лета Главную редакцию социально-экономической литературы издательства «Мысль» возглавил В.П. Копырин. С его приходом позиции противников издания книги заметно усилились*. Подписание книги в печать, как минимум, отодвигается на неопределенное время; затягивание этого решения, в свою очередь, вынуждает издательство в начале ноября рассыпать типографский набор**: дефицитный металл нужен для печати других книг. Тем самым, на своем пути к читателю книга «О начале человеческой истории» была отброшена на ступень назад. Для Б.Ф. Поршнева это событие, вызванное сугубо «техническими» причинами, становится символом поражения, разгрома...

Стремление быть академиком и провал на выборах в Академию наук

Последней каплей стали результаты выборов в АН СССР по Отделению истории: коллеги-историки провалили кандидатуру Б.Ф. Поршнева. Но на этот раз Б.Ф. Поршневу не ограничился Отделением истории и попытался опереться на поддержку Отделения философии. Сохранилось рекомендательное письмо, подписанное двумя философами, чл.-корр. АН СССР – Ц.А. Степаняном и уже упоминавшимся Т.И. Ойзерманом [70]. Письмо не датировано, по косвенным признакам – 1972 год. Такая датировка подтверждается и воспоминаниями С.В. Оболенской о Б.Ф. Поршневе: *«Он был предан науке страстно и бескорыстно, хотя и был очень чувствителен к оценке своей деятельности. Как он хотел стать академиком! Он и умер, я думаю, отчасти вследствие потрясений, связанных с неудачами на академических выборах – этом и до сих пор весьма несправедливом и порой даже грязном деле»* [71].

* Подробнее об этом периоде в жизни Поршнева см. [69].

** От набора 1972 г. до настоящего времени сохранились лишь два экземпляра корректуры, один из них – с авторской правкой...

Роль этой неудачи в смерти Б.Ф. Поршнева С.В. Оболенская, похоже, преувеличивает, но стремление «стать академиком», несомненно, было. От многих людей, знавших Б.Ф. Поршнева лично, мне приходилось слышать одно и то же объяснение этого его стремления: он был убежден, что только академический статус гарантирует сохранность его научного архива, а значит, и его доступность для будущих исследователей. По словам Т.И. Ойзермана, который до сих пор убежден, что Б.Ф. Поршнева был достоин избрания в АН СССР, проблема была в том, что для поддержки со стороны Отделения философии, где у Б.Ф. Поршнева были высокие шансы пройти по «голосам», недоставало опубликованных работ – только «Феодализм и народные массы»*.

Выход в свет книги «О начале человеческой истории», второй монографии по нужной специальности, мог бы решить эту проблему. Но этому уже не суждено было случиться...

26 ноября 1972 года Борис Федорович Поршнев скончался.

Формирование общности сторонников Б.Ф. Поршнева после его смерти

Следующие два года стали фактической проверкой результатов двадцатилетних усилий Б.Ф. Поршнева, направленных на формирование поршневого «мы» – общности своих сторонников, союзников, единомышленников. Оказалось, усилия не были совсем уж напрасными: пусть не появилось учеников, ставших последователями, пусть и сторонники были лишь «частичными». Но даже в таком виде это «мы» представляло собой значимую силу: с уничтожением набора и смертью Б.Ф. Поршнева борьба за выход его книги в свет не прекратилась.

Борьба за издание книги «О начале человеческой истории»

В 1973 году корректура книги Б.Ф. Поршнева (след рассыпанного набора 1972 года) была направлена издательством «Мысль» в Институт психологии АН СССР на рецензию. При этом в руководстве самого издательства продолжалась скрытая борьба между теми, кто ждал отрицательного отзыва, чтобы окончательно «закрыть вопрос», и теми, кто добивался ее опубликования. Во главе первых стоял упомянутый В.П. Копырин; вторые были представлены, в первую очередь, заведующей философской редакцией, входившей в копыринскую Главную редакцию, Ириной Александровной Кадышевой.

Подготовка рецензии была поручена заведующей сектором философских проблем психологии Людмиле

* Устное сообщение г-на Ойзермана автору настоящего очерка (январь 2005 г.).

Ивановне Анцыферовой*, лично знакомой с Б.Ф. Поршневым и безусловному стороннику публикации поршневской книги. Ее беседа в издательстве оптимизма не прибавила: по словам Л.И. Анцыферовой, В.П. Копырин пришел в ярость от самого предложения издать «антимарксистскую книгу»**. И все же В.П. Копырин не был всемогущим. Л.И. Анцыферова и И.А. Кадышева привлекают в союзники заведующего сектором народов зарубежной Европы Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР С.А. Токарева и заведующего кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС Х.Н. Момджяна. План таков: подготовить совместную положительную рецензию, подписанную признанными (и в научном, и в «партийном» отношении) специалистами и обосновывающую целесообразность издания. Эта же рецензия предлагается в качестве предисловия к книге.

Текст рецензии-предисловия написан. В.П. Копырин готов отступить, но у него остается одно категорическое требование: главы 8 («Споры о фундаментальных понятиях») в опубликованной книге быть не должно. Пришлось идти на встречные уступки. Объем главы сокращен вдвое, а «статус» оставшейся половины текста понижен до уровня раздела главы.

Причину копыринского требования понять несложно. В этой главе Б.Ф. Поршнев подводил черту под 20-летними спорами советских ученых о том, как правильно понимать высказывания «классиков марксизма-ленинизма», относящиеся к проблемам начала истории. А это, как уже говорилось, есть не что иное, как несанкционированная вольность в ответственном деле интерпретации «классиков», посягательство на уровень решений высшего партийного руководства...

В июне 1974 года книга Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории», наконец, подписана к печати и осенью выходит в свет. От типографского набора двух-

Выход книги в свет в измененном виде

* Фактическая сторона борьбы вокруг книги Поршнева в 1973 – 1974 гг. изложена по воспоминаниям Анцыферовой (устное сообщение автору настоящего очерка в феврале 2005 г.).

** По иронии судьбы попытка получить спустя 15 лет рецензию на книгу от известного советского востоковеда И.М. Дьяконова и этим обеспечить ее переиздание дала результат, диаметрально противоположный: рецензент категорически возражал против публикации «марксистской» (т.е. не научной) книги! Начиналась новая российская революция, теперь можно было открыто крушить идолов, которым всю предшествующую жизнь приходилось поклоняться. И такой болезни – «революционному сознанию» – оказываются подвержены даже весьма крупные ученые...

летней давности у нее три важных отличия: книга теперь открывается «Предисловием», подписанным Х.Н. Момджяном, С.А. Токаревым и Л.И. Анцыферовой (именно в таком порядке: АОН при ЦК КПСС, естественно, на первом месте), глав в книге стало на одну меньше, а в последней главе книги («Генезис речи-мышления: суггестия и дипластия») появляется новый (первый) раздел – «Труд, производство, общество»...

Теперь есть возможность раскрыть и тайну форзацев книги в издании 1974 года. В одном из подпавших под сокращение еще в 1971 году разделов главы «Дивергенция троглодитид и гоминид» анализируется значение так называемых палеолитических Венер. Их изображения и было намечено поместить на форзацах книги. Текст был сокращен, «Венеры» исчезли из текста, но поскольку выход книги в свет состоялся только со второй попытки, уже после смерти Б.Ф. Поршнева, никто и не вспомнил о связи планировавшегося оформления книги с ее содержанием: «палеолитические Венеры» оказались на форзацах – как символическое выражение непростой судьбы главной книги Б.Ф. Поршнева...

В 1979 году был опубликован перевод книги на словацкий (Братислава), а в 1981 – на болгарский (София) языки. Болгарское издание включает также и перевод статьи Б.Ф. Поршнева «Контрсуггестия и история», помещенной в качестве приложения к книге.

Если теперь ретроспективно взглянуть на творческий путь Б.Ф. Поршнева после защиты докторской диссертации, то бросается в глаза отчетливый 10-летний цикл триумфальных успехов и серьезных неудач, острейших конфликтов, кризисов.

Конец 1940-х – начало 1950-х. Подготовлена книга о классовой борьбе при феодализме; опубликована монография о народных восстаниях перед Фрондой, присуждена Сталинская премия. Кризис: масштабная кампания по осуждению его «ошибочных взглядов», едва не приведшая к самыми тяжелым (и обычным в то время) последствиям; книга о феодализме, напечатанная на пишущей машинке и переплетенная, «выходит в свет» в нескольких экземплярах...

Конец 1950-х – начало 1960-х. Первые работы по антропогенезу, открытие троглодита, создана Комиссия при Президиуме АН СССР по его изучению, подготовлена первая в мире монография об этом редком животном. Кризис: поражение в «борьбе за троглодитов»; разрыв с большинством ученых – биологов и антропологов; второй конфликт с историками; монография о троглодитах

Десятилетние циклы жизненного пути Б.Ф. Поршнева: триумфы и неудачи

депонируется в ВИНТИ и печатается на множительной машине тиражом в 180 экземпляров...

Конец 1960-х – начало 1970-х. Гигантский прорыв в исследованиях начала истории – в физиологии высшей нервной деятельности, в социальной психологии; опубликована монография с «горизонтальным срезом» истории эпохи 30-летней войны; и главное – осуществлен юношеский замысел, подготовлена книга «О начале человеческой истории», уже сделан ее типографский набор. Кризис: набор рассыпан, книга существует в виде двух спрятанных экземпляров корректуры...

Удалось
выполнить главное
дело своей жизни

Незадолго до своей смерти, понимая, что дальнейшая судьба книги уже не в его руках, в разговоре с Инной Зиновьевной Тираспольской, близким ему человеком и помощницей в ряде его исторических исследований, Б.Ф. Поршнев, сказал: *«Многих ли людей Вы знаете, которые могли бы о себе сказать, что им удалось выполнить главное дело своей жизни? Мне удалось. Я очень счастливый человек»**.

1. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 13.

2. Поршнев Б.Ф. Научный дневник. Запись от 31.12.1971, ОР РГБ, 684/27/16. Л. 45.

3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 18.

4. Поршнев Б.Ф. Мелье. М., 1964. С. 236.

5. Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата. 1968. № 7. С. 124.

6. Письмо Б.Ф. Поршнева Б.Д. Парыгину от 21 мая 1969 г. Копия письма хранится у автора настоящего очерка. Оригинал утерян.

7. Поршнев Б.Ф. [Вопросы высшей нервной деятельности и антропогенез. Выступление] // Философские аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии: Материалы совещания / Под ред. П.Н. Федосеева. М., 1963. С. 589.

8. Поршнев Б.Ф. Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. №5. С. 127.

9. Айрапетянц Э.Ш. [Выступление] // Философские аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии: Материалы совещания. М., 1963. С. 633.

* Устное сообщение г-жи Тираспольской автору настоящего очерка (январь 2005 г.).

10. *Поршнев Б.Ф.* Гипотеза о тормозной доминанте. Рукопись (автограф), ОР РГБ, 684/22/11. Л. 39.
11. *Там же.* Л. 36–37.
12. *Там же.* Л. 44.
13. *Там же.* Л. 38.
14. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 280–281.
15. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). С. 40. Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой.
16. *Поршнев Б.Ф.* Неадекватные рефлексy у животных и принцип доминанты (краткий конспект статьи). Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/23/14. Л. 1.
17. *Там же.* Л. 3–4.
18. *Ухтомский А.А.* Доминанта как фактор поведения. Стенография доклада на заседании биологического студенческого научного кружка Ленинградского университета (02.04.1927) // Вестник Коммунистической академии. Кн. 22. М., 1927; *Ухтомский А.А.* Парабиоз и доминанта // А. Ухтомский, Л. Васильев, М. Виноградов. Учение о парабиозе. М., 1927.
19. *Ухтомский А.А.* Возбуждение, утомление, торможение // Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова. Т. XVII. Л., 1934. Вып. 6.
20. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 226.
21. *Там же.* С. 264.
22. *Там же.* С. 258.
23. *Там же.* С. 259–260.
24. *Там же.* С. 223.
25. *Там же.* С. 222–223.
26. *Там же.* С. 225.
27. *Там же.* С. 224.
28. *Там же.* С. 144–145.
29. ОР РГБ, 684/23/16. Л. 1.
30. *Там же.* Л. 2–3.
31. ОР РГБ, 684/23/17. Л. 3–4.
32. Первые три абзаца главы 9, в издании 1974 года их нет (*Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974).
33. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы возникновения человеческого общества и человеческой культуры // Вестник истории мировой культуры. 1958. №2 (8). С. 40.
34. *Поршнев Б.Ф.* Поиски обобщений в области истории религии // Вопросы истории. 1965. №7. С. 147.

35. *Вите О.Т. Б.Ф.* Поршнев: опыт создания синтетической науки об общественном человеке и человеческом обществе // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* – М., 1998. №3(9). С. 143–145; *Вите О.Т.* Творческое наследие Б.Ф. Поршнева и его современное значение. <http://www.russ.ru/univer/biblio>.

36. *Поршнев Б.Ф.* Мыслима ли история одной страны? // *Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения.* М., 1969. С. 307–308.

37. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 370.

38. В издание 1974 г. эта часть главы 9 не вошла. См.: *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.

39. 684/23/1. Л. 18.

40. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории // *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969. С. 92. Ср.: *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 47.

41. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории // *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969. С. 108.

42. ОР РГБ, 684/22/3. Л. 1–2.

43. ОР РГБ, 684/23/4. Л. 3.

44. ОР РГБ, 684/22/6. Л. 1.

45. ОР РГБ, 684/22/6. Л. 224.

46. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 17.

47. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // *История и психология.* М., 1971. С. 15.

48. *Там же.* С. 33.

49. *Там же.*

50. *Там же.* С. 33–34.

51. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 12.

52. ОР РГБ, 684/19/1. Л. 8.

53. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 18.

54. ОР РГБ, 684/26/6. Л. 1–2.

55. *Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л., 1948.

56. *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970; *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

57. *Поршнев Б.Ф.* Мелье. М., 1964.
58. *Поршнев Б.Ф.* Кальвин и кальвинизм // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958.
59. *Поршнев Б.Ф.* Мелье, Морелли, Дешан // Век просвещения. М.; Париж, 1970.
60. *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964.
61. *Поршнев Б.Ф.* Исторические интересы Маркса в последние годы его жизни и работа над хронологическими выписками // Маркс-историк. М., 1968.
62. *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса // Философские науки. М., 1969.
63. *Поршнев Б.Ф.* Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 1963.
64. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата. 1968. № 4–7.
65. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966.
66. ОР РГБ, 684/23/4; л. 99. Вначале пункт «О начале...» стоял с номером VII. Затем номер пункта был зачеркнут, а его содержание знаком «+» добавлено к пункту VI.
67. *Поршнев Б.Ф.* Происхождение человека и проблема речи. Рукопись (автограф), ОР РГБ 684/23/7.
68. ОР РГБ, 684/28/15. Л. 2.
69. *Поршнева Е.Б.* Реальность воображения (записки об отце) – (рукопись).
70. ОР РГБ, 684/28/11. Л. 7–9.
71. *Оболенская С.В.* Первая попытка истории «Французского ежегодника» // Французский ежегодник. 2002 г. М., 2002. С. 67–68.
-